

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ДЕЯНИЙ КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ ПРИЗНАК ИХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Рассматриваются вопросы, связанные с основанием криминализации (декриминализации) деяний, которым по мнению большинства исследователей, является их общественная опасность. Обосновывается позиция, в соответствии с которой распространенность тех или иных деяний не является самостоятельным признаком, учитываемым наравне с общественной опасностью при криминализации (декриминализации) деяний, а является факультативным признаком общественной опасности конкретных деяний.

Ключевые слова: преступление; наказание; общественная опасность; криминализация; распространенность; основание.

В научной литературе большинством исследователей поддерживается позиция, в соответствии с которой общественная опасность деяния определяется внешним его выражением: объективной стороной конкретного деяния (прежде всего, причиненным вредом) и объектом посягательства [1. С. 60; 2. С. 33–34; 3. С. 102; 4. С. 52 и др.]. Субъект и субъективная сторона деяния, по мнению большинства исследователей, не являются определяющими элементами его общественной опасности, поскольку внешне одинаково выраженные деяния могут причинить одинаковый вред независимо от виновного или невиновного отношения субъекта к деянию. Субъект – это обязательное условие привлечения к уголовной ответственности. Безусловно, в уголовном законодательстве предусмотрены преступления со специальным субъектом, тогда мы сталкиваемся с одним из двух случаев:

– специальный субъект является обязательным признаком преступления в силу своей «специальности». Без него нет и преступления по своей сути. Например, получение взятки (ст. 290 УК РФ) возможно только должностным лицом, что обусловлено самой сущностью понятия «взятка»;

– действительно, в отдельных случаях может повышаться общественная опасность деяния, но не из-за субъекта, его совершившего, а за счет «удвоения» объекта посягательства, т.е. посягательство нарушает две и более группы общественных отношений, за счет чего и происходит повышение общественной опасности.

Субъективная сторона деяния не является определяющим элементом общественной опасности деяния, поскольку внешне одинаково выраженные деяния могут причинить одинаковый вред независимо от виновного или невиновного отношения субъекта к деянию. Вина является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности.

Общественная опасность личности как социально-психологической категории также не может рассматриваться в качестве основания установления уголовной ответственности, поскольку криминализируются только деяния, а не признаются преступниками определенные категории лиц, обладающих какими-либо социально-психологическими признаками.

Отметим, что общественная опасность личности имеет значение для криминализации постольку, поскольку она причинно связана с общественно опасным деянием и его последствиями, и эта личность требует применения к ней мер государственного или

общественного воздействия в целях общей и специальной превенции. При отсутствии общественной опасности личности не было бы необходимости в криминализации общественно опасных деяний (как и вообще каких-либо уголовно-правовых запретов). Тем не менее, по мнению большинства исследователей, общественная опасность личности не имеет самостоятельного значения для криминализации и должна рассматриваться как вспомогательное понятие для более глубокого познания субъективной стороны преступления, раскрытия общественной опасности деяния и индивидуализации уголовной ответственности [1. С. 66; 5. С. 24].

Таким образом, общественная опасность деяния определяется только внешним его выражением, а именно объективной стороной деяния (и прежде всего вредом) и объектом посягательства.

Можно говорить о том, что основанием установления уголовно-правового запрета является повышенная (достаточно высокая) степень общественной опасности запрещенного деяния. Аргументом, подтверждающим высказанное положение, является ч. 2 ст. 14 УК РФ, где указано, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Исходя из нашей интерпретации понятия «общественная опасность», фразу «не представляющее общественной опасности» можно толковать как «имеющее достаточно низкую степень общественной опасности», т.е. не причиняющее существенного вреда обществу.

Отметим, что вряд ли можно считать общественно опасным такое поведение лица, которое уже причинило вред обществу, поскольку в данном случае общественная опасность реализовалась. В этой связи очевидно, что вредоносность деяния состоит в способности его причинять вред обществу. Если же исходить из иного, то вряд ли возможно обосновать установление уголовной ответственности за приготовление к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ), когда вред не только не наступил, но и не начал причиняться.

В уголовно-правовой и криминологической науках существует мнение, что общественная опасность преступления состоит в возможности его повторяемости, так как преступлением признаются не единичные общественно опасные посягательства, а деяния, обладающие прецедентным характером, которые несут в

себе свойства человеческой практики [6. С. 138; 7. С. 27; 8. С. 62]. По мнению П.А. Светачева, «...пока какой-либо конкретный вид правонарушений существует как элемент распространенного явления, он общественно опасен именно в силу своей неединичности» [9. С. 18]. Другими словами, распространенность рассматривается не как самостоятельный признак, необходимый для решения вопроса о криминализации или декриминализации деяния, а как признак общественной опасности деяния. Такой подход заслуживает всяческой поддержки. Вместе с тем при его реализации необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, если деяние не обладает чрезвычайно высокой степенью общественной опасности, то при криминализации следует учитывать, что оно не должно быть слишком распространенным (тогда оно из патологии превращается в норму социального поведения).

Во-вторых, уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественно опасные поступки индивидов, которые, по крайней мере, являются реально возможными, т.е. представляют собой проявление общих тенденций и закономерностей, иначе говоря, явления не случайные. Возможная повторяемость является необходимым условием деяния, отнесенного к числу преступлений. Криминализируемое деяние должно быть более или менее распространенным. То есть деяние не может быть всеобщим или чрезвычайно широко распространенным и не должно быть единичным без возможности повторения в будущем. Криминализация широко распространенного деяния может привести к нарушению функционирования системы уголовной юстиции, к нарушению реализации принципов неотвратимости наказания, равенства всех перед законом, справедливости, так как совершение данного деяния не обязательно будет влечь за собой уголовную ответственность, которая может стать делом случая, а не общим правилом. Также это может провоцировать повышение межличностной напряженности, поскольку возникают ситуации, при которых одни лица подпадают под действие уголовно-правовой репрессии, другие при тех же обстоятельствах – не попадают. При криминализации же индивидуально определенного единичного случая новая норма становится безжизненной и ненужной, не имеющей регулятивного значения.

Вместе с тем мы не склонны абсолютизировать данное условие, поскольку оно может не учитываться при криминализации особо опасных деяний. Например, необходимость и целесообразность существования ст. 357 УК РФ «Геноцид» никем не оспаривается, хотя о распространенности этого деяния говорить не приходится. Ведь главное в этом принципе – возможность совершения деяния в будущем. Распространенность деяния также учитывается при определении санкции за его совершение, так как чрезмерное и повсеместное наказание недопустимо.

Большая распространенность преступлений, не обладающих высокой степенью общественной опасности, может служить аргументом «за» при возможной декриминализации конкретных преступлений.

Следует обратить внимание и на следующее. При принятии решения о криминализации широко распро-

страненных деяний, возможно, стоит изначально понизить уровень распространенности деяний не уголовно-правовыми средствами (например, административно-правовыми), а уже после того, как деяние утратит качество повышенной распространенности, ввести на него уголовно-правовой запрет. На первый взгляд это кажется нелогичным – если снижается число таких деяний, то, может, следует продолжать предпринимать меры не уголовно-правового характера для поддержания такой тенденции. Однако дело в том, что эффективность таких мер имеет свой предел, они рассчитаны на тех, кому достаточно их применения для прекращения общественно вредной деятельности, к остальным же индивидам следует применять уголовно-правовые меры как более репрессивные и в этом плане более действенные.

В-третьих, мы не склонны настолько абсолютизировать рассматриваемый признак общественной опасности (или ее количественную характеристику), но и отрицать ее вовсе, с нашей точки зрения, было бы неверным. Представляется, что соотношение качественной и количественной характеристик общественной опасности как основания криминализации для каждого деяния является различным. Например, ст. 197 УК РФ, предусматривающая ответственность за фиктивное банкротство, является относительно нераспространенным преступлением в России (факты возбуждения уголовных дел и привлечения лиц, совершивших эти деяния, к уголовной ответственности крайне редки), однако вряд ли будет разумной декриминализация данного деяния лишь по этому основанию. На наш взгляд, отсутствие зарегистрированной (статистической) распространенности само по себе не может являться аргументом в пользу декриминализации данного деяния либо необоснованности его криминализации. С другой стороны, вряд ли стоит говорить о том, что распространенность тех или иных деяний, которые не причиняют существенного вреда общественным отношениям, в современных условиях может рассматриваться в качестве достаточного основания для криминализации.

Так, до конца 2003 г. в Уголовном кодексе РФ существовала норма, предусматривавшая ответственность за обман потребителей (ст. 200 УК РФ). В 1997 г. на ее долю приходилось 44% от всего количества уголовных дел, возбужденных в России по преступлениям, предусмотренным гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» (а в ней первоначально содержалось 33 статьи), в 1998 г. – 52%, в 1999 г. – 55, в 2000 г. – 54, в 2001 г. – 57, в 2002 г. – 58%. В 2002 г. в России было зарегистрировано более 250 тыс. преступлений, предусмотренных ст. 200 УК РФ. Эти данные, безусловно, подтверждают широкую распространенность данного деяния, в котором законодатель признавал преступным любой обман потребителей, совершенный в значительном размере, т.е. обман, причинивший потребителям ущерб в сумме, превышающей одну десятую часть минимального размера оплаты труда. На момент исключения рассматриваемой статьи из Уголовного кодекса преступным признавался обман на сумму свыше 60 рублей; с мая 2002 г. по октябрь 2003 г. обман

был преступным, если осуществлялся на сумму свыше 45 рублей; с июля 2001 г. по май 2002 г. – свыше 30; с января по июль 2001 г. – свыше 20 рублей; с июля 2000 г. по январь 2001 г. – свыше 13 рублей 20 копеек. Приведенные суммы рассчитывались в соответствии с Федеральным законом РФ от 19.06.2000 г. № 87 ФЗ, в котором минимальный размер оплаты труда определялся следующим образом: «Установить, что до внесения изменений в соответствующие Федеральные законы, определяющие порядок исчисления налогов, сборов, штрафов и иных платежей, осуществляемое в соответствии с законодательством Российской Федерации, в зависимости от минимального размера оплаты труда, производится с 1 июля 2000 года по 31 декабря 2000 года исходя из базовой суммы, равной 83 рублям 49 копейкам, с 1 января 2001 года – исходя из базовой суммы, равной 100 рублям» (ст. 5) [10]. Абсурдность установления уголовно-правового запрета вполне очевидна при знакомстве с приведенными выше цифрами. В связи с этим можно утверждать, что криминализация рассмотренного деяния была осуществлена при отсутствии ее основания – общественной опасности деяния. Очевидно, что при криминализации этого деяния законодатели в основном ориентировались на распространенность данного деяния, рассматривая этот признак в качестве основания криминализации.

Обман потребителей представляет собой введение в заблуждение потерпевшего-потребителя относительно количества или качества реализуемого товара или оказываемой услуги или их стоимости. Вместе с тем такое соответствующее букве отмененного закона понимание обмана потребителей полностью укладывается в понятие преступления против собственно-

сти – мошенничества, и при превышении при обмане размера собственности, установленного в законе, может и должно быть квалифицировано по ст. 159 УК РФ. При недостижении этого размера следует говорить о совершении лицом административного правонарушения и привлечении лица к административной ответственности. А в соответствии со ст. 158¹ УК РФ мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, будет рассматриваться как преступление, и наказание за него будет назначаться в соответствии с действующим уголовным законодательством.

Поэтому представляется правильным считать распространенность тех или иных деяний факультативной характеристикой (признаком) общественной опасности, основу которой составляет опасность причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям. Иными словами, распространенность конкретных деяний может выступать в качестве дополнительного, но не определяющего аргумента в обосновании необходимости криминализации (декриминализации) тех или иных деяний.

Таким образом, конкретные деяния определяются законодателем в качестве общественно опасных (преступлений) лишь после того, как отдельные случаи этих деликтов становятся социально заметными (как качественно, так и количественно) и для их предупреждения уже недостаточно прежних (действующих) уголовно-правовых и иных установлений, не позволяющих поддерживать стабильное состояние социально-экономической системы в обществе и государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М. : Изд-во МГУ, 1969. 232 с.
2. Землюков С.В. Преступный вред. Теория. Законодательство. Практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 50 с.
3. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 315 с.
4. Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание. Омск : Изд-во ВШ МВД СССР, 1986. 64 с.
5. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.
6. Фефелов А.А. Общественная опасность преступного деяния // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 135–138.
7. Фефелов А.А. Механизм уголовно-правовой охраны. М. : Наука, 1992. 230 с.
8. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть). Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
9. Светачев П.А. Уголовно-правовая ответственность за банкротство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 157 с.
10. Собрание законодательства РФ. 2000. № 26. С. 2729.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2018 г.

PREVALENCE OF ACTS AS AN OPTIONAL CHARACTERISTIC OF THEIR PUBLIC DANGER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 227–230.

DOI: 10.17223/15617793/429/30

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: crime; punishment; public danger; criminalization; prevalence; basis.

When dealing with the questions relating to criminalization (decriminalization) of acts, most of Russian researchers consider it necessary to proceed from the public danger of the act itself. Public danger of an act is determined by its external expression: the objective aspect of a concrete act (and, primarily, by the harm inflicted to the protected social relations) and the object of offence. The subject and the subjective aspect of an act are not the determining elements of its public danger. Public danger of the personality as a social and psychological category cannot also be considered as the basis for criminal liability since the act itself but not certain categories of the persons possessing concrete social and psychological characteristics is criminalized. There is an opinion in criminal law and criminology that public danger of a crime is in the possibility of its repetition. This approach deserves support under the observance of the following conditions. Firstly, if an act does not have an extremely high degree of public danger, the fact that this act should not be too widespread must be taken into account in the course of criminalization. Secondly, a criminalized act should be

neither extremely widespread nor a single one without possibility to be repeated in the future. When writing the present article, the author set the task to determine the relationship between the prevalence (repetition) of an act and its public danger. He used the following methods: dialectical, formal and logical, system and structural as well as analysis and synthesis. The subject matter of the article is the influence of the prevalence of acts on their public danger when resolving the issue of criminalization (decriminalization) of acts in the Russian Federation. The research showed that prevalence of any acts should be considered as an optional characteristic of their public danger based on the danger of infliction of harm to the protected social relations. In other words, prevalence of concrete acts can serve as an optional, but not a dominant argument when substantiating the need of criminalization (decriminalization) of certain acts. Legislators define concrete acts as socially dangerous (crimes) only after separate cases of these wrongful acts become socially noticeable (both qualitatively and quantitatively). However, former (current) criminal law stipulations, which are unable to support a stable condition of social and economic system in both the society and the state, are insufficient for their prevention.

REFERENCES

1. Kuznetsova, N.F. (1969) *Prestuplenie i prestupnost'* [A crime and law-breaking]. Moscow: Moscow State University.
2. Zemlyukov, S.V. (1993) *Prestupnyy vred. Teoriya. Zakonodatel'stvo. Praktika* [Criminal harm. Theory. Legislation. Practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
3. Durmanov, N.D. (1948) *Ponyatie prestupleniya* [The concept of a crime]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Martsev, A.I. (1986) *Prestuplenie: sushchnost' i sodержanie* [A crime: essence and content]. Omsk: Izd-vo VSh MVD SSSR.
5. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava* [Criminological foundations of criminal law]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Fefelov, A.A. (1977) *Obshchestvennaya opasnost' prestupnogo deyaniya* [The public danger of a criminal act]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 135–138.
7. Fefelov, A.A. (1992) *Mekhanizm ugovolno-pravovoy okhrany* [Mechanism of criminal law protection]. Moscow: Nauka.
8. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')* [Criminology (General part)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Svetachev, P.A. (1997) *Ugovolno-pravovaya otvetstvennost' za bankrotstvo* [Criminal responsibility for bankruptcy]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2000) 26. pp. 2729.

Received: 01 March 2018